

Шэнь По тоже остановилась и сурово прикрикнула:

— Ты что удумал?! Тут на кону великое дело, касающееся нескольких деревень, ты вздумать вздумал отступить?!

Услышав такое обвинение, Чэнь Да снова сник. Он замялся и забормотал:

— Нет, нет, я просто... Пусть он и дурачок, но столько лет рос у меня на глазах, мне хотелось сказать ему пару слов...

Чэнь Да вытащил из рукава несколько медных монет. Увидев их, Шэнь По фыркнула, но тон ее немного смягчился, и она бросила:

— Быстрее давай, не затягивай до неблагоприятного часа!

Чэнь Да поспешно закивал, дернул Чэнь Сяобао за рукав, отвел в уголок, велел приподнять красный платок с головы и со сложным выражением лица посмотрел на него.

Чэнь Сяобао никогда прежде не видел у Чэнь Да такого выражения, поэтому испугался и робко на него уставился.

Однако Чэнь Да не стал его ругать. Немного помолчав, он заговорил:

— Ты не из Деревни семьи Чэнь. Ты ребенок, похищенный торговцем людьми.

Чэнь Сяобао замер, а Чэнь Да продолжил:

— Когда его телега проезжала через нашу деревню, ты простудился и заболел, так что тебя просто бросили. Мой отец подобрал тебя, купил лекарств, выходил. На любые другие имена ты не отзывался и выглядел глупеньким, но стоило назвать тебя Сяобао, как ты улыбался.

— Вот тебя и называли Чэнь Сяобао.

Сообразив, что Чэнь Да рассказывает о его детстве, Чэнь Сяобао напряг память и после долгих усилий наконец выудил из глубин сознания образ мужчины средних лет.

Это был Отец Чэня... Точно, Отец Чэня, очень добрый человек. Он прекрасно к нему относился, всегда брал с собой, часто играл с ним. Пока Отец Чэня был жив, Чэнь Сяобао не только не знал нужды в еде и одежде, но даже каждый год получал новый наряд. Однако из-за своего поврежденного ума Чэнь Сяобао и сам не мог понять, с каких пор этот человек внезапно исчез из его мира и воспоминаний.

— Отец относился к тебе очень хорошо, даже лучше, чем к нам, родным братьям, — с некоторой завистью произнес Чэнь Да.

Когда Чэнь Сяобао привезли в Деревню семьи Чэнь, ему было около трех лет. На нем была рваная одежда, но личиком он уродился словно вырезанный из фарфора — не было человека, которому он бы не понравился. Хоть он и был глупеньким, но из-за малолетства это бросалось в глаза не так сильно, тем более что, пожив с мальчиком какое-то время, Отец Чэня обнаружил: ребенок просто не слишком сообразителен, а на самом деле очень послушен.

Отец Чэня нежно заботился о нем. Всего, что доставалось его собственным трем сыновьям, никогда не лишали и Чэня Сяобао — доставалось ровно поровну, а если случались какие-то споры из-за вещей, Отец Чэня всегда больше склонялся к тому, чтобы защитить его.

Никому не нравился такой приемыш.

В то время Чэнь Да уже исполнилось пятнадцать лет. Сначала он не испытывал к Чэнь Сяобао большей неприязни, чем двое его младших братьев, но в деревне вечно находились любители почесать языки. Они то и дело донимали его разговорами о том, как сильно Отец Чэня балует Чэнь Сяобао, а поскольку Отец Чэня обладал мягким сердцем, то глядишь — в будущем ему еще и самую большую часть семейного имущества отпишет.

Постепенно Чэнь Да стал смотреть на Чэнь Сяобао все более косо.

Позже, когда Отец Чэня скончался, Чэнь Сяобао исполнилось всего семь лет. Вопреки тому, о чем судачили деревенские, никакого наследства он не получил, зато из-за воли покойного Отца Чэня стал обузой для Чэнь Да, которому досталась наибольшая доля имущества.

Совсем еще молодой, даже не успевший жениться, он сразу обзавелся дурачком, которого нужно было содержать. Из-за этого Чэнь Да натерпелся немало лишений, а поскольку он и без того ненавидел Чэнь Сяобао, то попросту вымещал на нем всю свою злость. Я бы предпочел, чтобы в свое время мой отец вообще не подбирал тебя, — глядя на Чэнь Сяобао, мрачно произнес Чэнь Да. — Но раз уж все зашло так далеко, ты сейчас... по крайней мере, должен узнать о своем происхождении.

Чэнь Сяобао растерянно смотрел на Чэнь Да. Он никогда не задумывался о том, откуда он взялся; его жизнь всегда была такой тяжелой, и казалось, что так было и должно быть извечно, само собой разумеющимся образом.

Чэнь Да вдруг наговорил столько всего — как ему теперь поступить? Его голова вечно соображала плохо, он ничего не мог запомнить, и даже о том, что когда-то отец Чэня дарил ему заботу и тепло, он вспомнил только что.

Чэнь Да не обращал внимания на смятение Чэня Сяобао и продолжал говорить сам с собой:

— И не держи на меня зла. То, что ты смог дорасти до таких лет — заслуга во-первых моего отца, а во-вторых моя. Так что считай эту поездку платой за нашу доброту, с этого момента ты и Семья Чэнь больше ничего друг другу не должны...

Хотя он сам дал согласие Ли Лаосаню, смотреть воочию на то, как Чэнь Сяобао идет на верную смерть, было совсем другим делом. Последние несколько дней Чэнь Да почти ничего не говорил, но сейчас помимо своей воли принялся долго и сумбурно рассуждать.

Однако Шэнь По не собиралась ждать дольше, и вскоре подошла, прерывая его, не терпящим возражений тоном:

— Время пришло, невесте пора в паланкин!

Чэнь Да, словно выброшенная на берег рыба, тщетно пооткрывал рот и в конце концов отозвался:

— Эй!

Шэнь По вытянула Чэня Сяобао за дверь, а он все продолжал смотреть на Чэня Да остекленевшим взглядом.

В его голове царил полный хаос, он ничего не помнил и ничего не понимал. Он не знал правды об этом радостном событии и не постигал, к чему Чэнь Да произнес те слова, но интуитивно чувствовал: пусть это место и не было хорошим, но стоило ему уйти отсюда, как у него, пожалуй, действительно больше не останется дома.

Чэнь Сяобао, спотыкаясь, волокли за собой. Он увидел, как Чэнь Да сделал пару шагов вслед, но его остановили; из комнаты вышла женщина, обняла его за руку, и больше они на него уже не смотрели, вернувшись в дом.

Налетел порыв ветра, венчальная фата упала с головы, закрывая глаза, и Чэнь Сяобао перестал что-либо видеть.

Грязная желтая дорога, размокшая от дождей, была труднопроходимой, и Чэнь Сяобао, сидя в тесном паланкине, то и дело покачивался из стороны в сторону от тряски.

Свадьба или уход из дома семьи Чэнь — любое из этих событий должно было вызывать радость, но Чэнь Сяобао не понимал, что с ним происходит, и сейчас внезапно испугался.

Может, у всех невест так заведено перед замужеством? — утешал себя Чэнь Сяобао. — Он ведь даже видел, как невесты плачут перед тем, как сесть в паланкин!

Пока он думал об этом, паланкин качнулся, судя по всему, поворачивая за угол. Чэнь Сяобао в тревоге приподнял фату и осторожно отодвинул красную занавеску на маленьком окошке паланкина, чтобы выглянуть наружу.

Оказалось, они уже выехали из деревни.

Шел дождь. Хотя последние несколько дней почти никто из деревенских не показывался на улице, сейчас у околицы толпилось множество жителей Деревни семьи Чэнь, выглядывавших наружу, и Чэнь Сяобао заметил среди них несколько знакомых лиц.

В Деревне семьи Чэнь находились и те, кто не против был общаться с Чэнем Сяобао. Некоторые из тех людей, казалось, хотели что-то сказать, но стоило стоявшим рядом дернуть их за рукав, как они постепенно отступали назад и тонули в толпе.

Остальные сельчане по-прежнему сбивались в кучу, вот только во взглядах их не было ничего похожего на предвкушение радостного события — напротив, они были преисполнены какого-то неприятного безразличия и праздного любопытства. Чэнь Сяобао не хотел, чтобы на него так пялились, и снова спрятал голову в паланкин.

<http://bllate.org/book/25949/3107232>